

Эти часы бережно хранятся в семье Усмановых, как память об отце Рястяма Якубовича, погибшего на фронте.

О жизненном пути одного из старейших жителей Лямбиря Рястяма Якубовича Усманова мы уже не раз рассказывали на страницах газеты. О том, что он на протяжении ряда лет возглавлял МСО района, перечисляли объекты, построенные за это время. Казалось бы, что еще можно добавить к вышесказанному? Тем не менее, когда мы приехали в гости к ветерану поздравить его с девяностолетием, в ходе беседы Рястям Якубович «открылся» совсем с другой стороны. Несмотря на более, чем солидный возраст, в его памяти сохранились воспоминания о событиях из далекого прошлого, которые помогают воссоздать картину жизни довоенного Лямбиря и первых послевоенных лет. Все это может быть интересно для самого широкого круга читателей. Поэтому мы и решили опубликовать часть из рассказанного нам Усмановым.

«Отец был мастер на все руки»

Сама история рода Усмановых интересна. Бабушка Мяргуба (это по материнской линии) была родом из Оренбурга. Там с ней и познакомился дед Рястяма Якубовича, Муса Айнетдинович, когда служил в армии. Причем, случилось это еще до Октябрьской революции. Мяргуба была дочерью военного, семья ее считалась зажиточной, но уж больно глянулся девушке парень из далекого Лямбиря, о котором она до того и слыхом не слыхивала. Так и сыграли свадьбу. В Оренбурге у молодых супругов родились две дочери: Марьям (мать Рястяма Якубовича) и Загря. А потом так уж сложилось, что они

переехала в Мордовию – тянуло Мусу Айнетдиновича на малую родину. И здесь они пришлось ко двору. Глава семьи был отменным кузнецом, чье мастерство сразу же по достоинству оценили сельчане.

- Я хорошо помню дедову кузницу, - рассказывал нам Рястям Якубович. – Она находилась на улице Октябрьская, напротив дома деда Мусы, где сейчас стоит дом племянника Камиля. А потом кузницу пришлось перенести на конец огорода, так распорядилась местная власть: перед домами такой «объект» оставлять было не положено. Дед даже коней подковывал своими гвоздями. Покупные гвозди из магазина были некачественные, поэтому делал он их сам. Да и другие изделия из его кузницы пользовались спросом, дед считался мастером на все руки. Свою семью обеспечивал всем необходимым.

Мама Рястяма Якубовича вышла замуж за парня с улицы Большевикская. В добротном каменном доме Усмановых тогда жила большая семья: родители Якуба, его брат Ахмет и три сестры: Халимя, Ханифя и Мярзья. Жили, конечно, душа в душу, но все же хотелось иметь свой угол, поэтому молодые постарались как можно скорее построить дом, выбрав участок на улице Октябрьская. В настоящее время в родовом гнезде Усмановых на улице Большевикская живет со своей семьей племянник Рястяма Якубовича – Равиль Аббясович Усманов.

«Езжай к Калинину! Он поможет»

Был в истории рода Усмановых и такой эпизод, о котором Рястяму Якубовичу рассказала бабушка. В мечетях Лямбиря тогда служили муллы из рода Усмановых. Когда произошла Октябрьская революция, в Лямбиль из Москвы приехал бывший житель села – Абушаев, преподаватель МГУ имени М. Ломоносова. Он сразу же пришел к своему другу Летфулле Камалетдиновичу и говорит: «Времена вон какие! У тебя тоже могут быть неприятности. Съезди в Москву к Калинину, попроси помочь». Легко ли было пойти на такое! Сколько бессонных ночей провел Летфулла Камалетдинович, знал лишь он сам, но все же страх за родных людей победил, и Усманов поехал в Москву. Скорее всего, ехал с болью в душе, сомневаясь, что вернется назад: времена тогда были непростые. Однако, поскольку грамотных людей ценили на вес золота, обошлось. Летфулла Камалетдинович приехал домой в Лямбиль, где заведовал светской школой, открытой им самим же в 1905 году.

Что же касается матери отца Рястяма Якубовича, она была родом из Щербаково. Так вот одна из родственниц рассказывала ему, что брат его бабушки уже при Советской власти уехал в Белоруссию, где стал ректором одного из высших учебных заведений.

«Репрессии и нас коснулись»

Да, всякое пришлось пережить роду Усмановых. Горя тоже хлебнули. Репрессии, не прекратившиеся и в годы Великой Отечественной войны, коснулись и их семьи. Отец мамы был расстрелян всего за... несколько неосторожно оброненных слов. Случилось это в августе сорок первого, когда немецкие самолеты долетали до Нижнего Новгорода, где во время бомбежки погиб один из их родственников. Тогда дед Рястяма Якубовича во время уборки урожая занимался ремонтом жатки, она вышла из строя в самый неподходящий момент. Трудился в кузнице, когда в воздухе раздался рокот моторов. Помогавшие ему колхозники выбежали из кузницы на улицу. Один из них воскликнул: «Лишь бы нас не бомбили!» Тогда загруженный работой кузнец произнес: «Нас не тронут!» Вот эти-то слова и стали ему приговором. Когда вечером пришел домой, там его

уже ждали. Спустя годы родные узнали, что несчастный был расстрелян. Однако впоследствии его реабилитировали.

Детство,
опаленное войной

- Когда война началась, мне было всего тринадцать лет, - вспоминает Рястям Якубович. – Отца в первые же дни призвали в армию. Он сначала находился в учебных лагерях неподалеку от Саранска, но 29 июня его уже отправили на фронт, а в сентябре он погиб в одном из боев где-то в районе Брянска. Мать осталась с малыми детьми на руках. Я – самый старший, да еще четыре дочери. Выручало свое хозяйство. Мать была очень работающая, мы всегда держали полный двор домашней живности и птицы. Имели два сепаратора. Один стоял в подвале нашего дома. Второй – в Мырляловке. Я в три часа утра уже пропускал через сепаратор молоко. Когда возвращался домой, была сильная роса, и от этого вся одежда становилась мокрой, приходилось сушить ее около русской печи. Утюгов не было, поэтому разглаживал одежду округлой палкой, наподобие той, которой хозяйки раскатывают тесто, и бежал в школу. Отец всегда мечтал, чтобы я получил хорошее образование. Когда он уходил на фронт, отдал матери часы, изготовленные на Кировском заводе – их он хранил, как зеницу ока, и сказал: «Если совсем трудно придется, продай их, но Рястям должен получить образование!» Часы эти до сих пор хранятся в нашей семье, рука не поднялась расстаться с ними, ведь это память о погибшем на фронте отце.

«Я тогда заработал почти тонну зерна!»

В 46-м году Рястям Якубович должен был окончить педагогическое училище, но в апреле к ним вечером зашел бухгалтер МТС, который начал уговаривать мать: «Давай, я Рястям устрою учетчиком в тракторную бригаду в Черемешево, хоть зарабатывать будет!» Так и пришлось на время оставить занятия. Трудился Рястям Якубович, несмотря на возраст, наравне со взрослыми, поэтому за три месяца заработал почти... тонну зерна. Еще как пригодилось! И на корм скотине, и для себя на еду. А третьего сентября он вновь пришел в училище. Директор встретил юношу упреком: «Ты же бросил учебу!» «Зато теперь буду отличником!» И его восстановили в педагогическом училище, которое Усманов успешно окончил в 1947 году.

- У нас тогда были просто замечательные учителя, - вспоминает он. – Асым-абы Танеев вел уроки физкультуры, Зяйтуна Хайрова преподавала литературу. Завучем был Мерсяй Давыдов. Очень сильный педагог был по психологии, к сожалению, не вспомню его имени, слишком много лет прошло...

С 1949 по 1953 год Усманов служил в армии. Был старшим механиком в истребительном полку, базировавшемся в Туркмении. Всю Среднюю Азию объездил... После армии вернулся в родной Лямбиль и начал работать. В 1956 году женился. Выбрал себе в жену русскую, Спицыну Александру Николаевну. Красота ее покорила его сердце. Вместе с супругой вырастил троих дочерей.

Лямбиль военной и послевоенной поры

- Трудно, конечно, тогда приходилось, но кто не ленился, кто держал скотину, все-таки не голодали. На всю жизнь запомнился мне вкус кислого молока, которое делала бабушка. А какие она пекла беляши, делала пельмени, какую кашу варила! Надо сказать,

кашу тогда в Лямбуре мало кто готовил, в новинку было такое кушанье для сельчан. Так именно от моей бабушки Мяргубы многие хозяйки почерпнули рецепты, которые она привезла с собой из далекого Оренбурга. Но таких перемячей, как у нее, ни у кого не доводилось попробовать! До сих пор перед глазами такая картина. Бабушка стоит перед русской печью, обязательно в белых перчатках! В руках у нее ухват. Вытаскивает из печи пироги, от аромата которых дух захватывает. Вообще, она была чистюля, каких поискать. Если кружкой залезешь в ведро зачерпнуть воды, обязательно поругает: из общей посуды воду надо только черпачком набирать и потом сливать в кружку! Но и ругала она не как-то обидно, скорее, порицала.

Рацион нашей семьи скрашивали и продукты, которые я привозил из Москвы. Мама накладывала мне полный чемодан домашнего масла, его-то я и вез в Москву на продажу. Какие там билеты! Ездили на крыше вагонов. В Зубовой Поляне нас, как правило, сгоняла милиция. Нас – это меня, моих друзей и женщин-мордочек, они возили на продажу мед, налитый в бутылки. Раз, помню, я забирался на крышу вагона следом за одной из женщин, а у нее с бутылки с медом слетела крышка, все полилось прямо мне на лицо. Глаза залепило, да еще как начало щипать! Ничего не видел, но все равно ухватился за скобы и вскарабкался на вагон. Потом уж другая женщина, которая везла на продажу молоко, протерла мне им лицо. В Зубовой же Поляне, как только поезд трогался, мы вновь лезли на крыши вагонов.

В Москве тогда жила сестра матери – тетя Зина, к моему приезду она уже запасала гречку и другие крупы, а я, продав на Бутырском рынке масло, отдавал ей деньги и покупал для сестренок кое-что из одежды. Девчонки ведь, конечно, им хотелось обновок. Но тут еще выручал запас материи, который отец привез из Иваново до войны. Мама сама шила для нас.

Кстати, по тогдашним меркам наша семья была из средних, ведь мы имели семилинейную лампу. А во многих семьях дом освещали таким образом. Брали тарелку, на нее выкладывали кружок картофелины с отверстием посередине и в это отверстие вставляли фитиль. На него капали немного керосина. Вот вам и лампа! А керосин тогда был в большой цене. За ним ездили в Саранск, с вечера занимали очередь, и всю ночь ждали, когда утром придет продавец. Потом, правда, и в Лямбуре стали продавать керосин. Там, где сейчас находится мечеть, располагался раймаг, а позади него ставили цистерну с керосином.

Что касается подстанции, она тоже имелась в Лямбуре. Располагалась между нынешним зданием социальной защиты населения и зданием районной Администрации. Но свет давали только вечером, с 17 часов и до 18. И то с перебоями. Так что керосин был в большой цене.

Сады же в Лямбуре начали сажать где-то в середине пятидесятых годов. А вот огороды были, но в основном, там растили картошку и просо. Моя же бабушка Мяргуба разбила добротный сад по примеру тех садов, что видела на своей родине в Оренбурге. Так что рацион нашей семьи был довольно разнообразный.

«Секрет моего
долголетия»

- Мне часто задают вопрос: как мне удалось прожить до девяноста лет без серьезных заболеваний? Разве что глаза сильно подводят. Ответ, я думаю, в том, что мы тогда питались со своих участков, без всякой химии, пища была здоровой, натуральной, без

красителей и консервантов. Да и жили по-иному. Хоть и бедно, трудно, но люди оставались доброжелательными, не было такой злобы и зависти в душах. А сейчас что? Заборы понастроили двухметровые, за которыми человека не видно. Люди, словно семечки в мешке: вроде бы все вместе, но каждый в своей скорлупе. Душевная чистота тоже многое значит, - сказал в завершении нашей беседы Рясям Якубович.

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА